

Затмение воспринималось в те времена как зловещее предзнаменование. К тому же в родовом предании князей Ольговичей сохранялась память о смерти в 1115 г., на десятый день после солнечного затмения, самого Олега Святославича, деда героев «Слова». А когда в 1113 г. на двадцать девятый день после затмения умер его двоюродный брат, великий киевский князь Святополк Изяславич, то летописец напрямую связал эти события: «знамение в солнце предвещало Святополкову смерть». Над родом Ольговичей словно тяготело «солнечное проклятие»: немало предков Игоря,

У грузин, «Давид Сасунский» у армян, «Хэйке-моноготари» («Повесть о доме Тай-ра») у японцев.

Героическая поэзия проникнута идеалами воинской доблести и верности сюзерену, роду. В ней воспеваются возведенные в жизненный принцип феодальные понятия «славы» и «чести», «обиды» и «мести», определявшие мироощущение героев. Обязательный для них рыцарский кодекс чести и культ воинской славы отлился в одинаковые от Востока до Запада устойчивые чеканные формулы, отразившиеся и в «Слове о полку Игореве»: дружины отправляются в поход «ища себе чести, а князю славы», их героическое поведение вдохновляется боевым девизом «Лучше уж убитым быть, чем плененным!»

Автор «Слова» восхищается братом Игоря — Всеволодом как идеальным военным героем и называет его «Буй Туром», «Яр Туром» — прозвище, так же, кстати, как и половецкое «Телебуга», означает «Бешеный Бык». Даже этим сравнением Автор хотел особенно выделить бесстрашие князя, доходящее в бою до состояния неистовства: он и «прыщет» на врагов стрелами, куда ни поскачет — там лежат головы половецкие, упоенный битвой, он забывает и самого себя, и отцовский черниговский золотой престол, и даже любовь и ласку своей «милой» и прекрасной жены Ольги Глебовны. В японском эпосе «Повесть о доме Гайра», где рассказывается о